

O.A. Umerenkova

Moscow Pedagogical State University
email: umerenkova.olesya@yandex.ru

Portrait of a girl in the lyrics of V. Tushnova and L. Tatyaničeva

Key words: motives; style; lyrics; Tatyaničeva; poetry school.

The creativity of V. Tushnova is permeated with sophistication and melody. Her lyrics embody the most colorful images and emotions and mystery. Through the unique style and rich language, each poem by Tushnova becomes a masterpiece. Her creations can touch the deepest stings of the soul, which makes her poetry unforgettable and original. Tatyaničeva, in turn, is noted for a special sense of the rhythm and sonority. Her poems embody unusual images that reflect her deep philosophy and worldview. Combining their uniqueness and originality V. Tushnova and L. Tatyaničeva reveal to us the full depth of female poetry and girlish image in it. Their lyrics is extraordinary and valuable gems that deserve to be discovered and read by generations. Thus, their talent and aesthetic perception of the world add even greater value to women's contributions to the literary arts.

А.В. Хотулева

Белорусский государственный университет
e-mail: lina.khotuleva.98@mail.ru

УДК 821.581

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МАКАО В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Ключевые слова: нематериковая китайская литература, лузофонная литература, маканская литература, линнаньская литература, постколониальность.

В статье рассматривается культурно-историческая специфика специального административного района Макао, а также объясняется сложность, которая возникает при попытках определить современную литературу Макао как самостоятельную и самодостаточную.

Развитие более тесных экономических, политических и культурных связей ставит перед современным литературоведением ряд неразрешимых вопросов, связанных с определением понятия «национальная литература». Постколониальный мир порождает новый гибридный тип сознания, где различные культуры оказываются неразрывно связаны. Провести границы национального в контексте таких процессов как глобализация

и транскультурализм становится практически невозможно. Это ставит перед исследователями ряд вопросов о том, как следует рассматривать литературу, существующую на границе нескольких культур. В рамках изучения китайской литературы, как правило, для литературы Гонконга, Тайваня и Макао выделяется отдельный сегмент, однако в целом эти литературы большинством исследователей воспринимаются скорее как часть китайского мира. Однако при изучении такого рода литературы можно обнаружить, что сложно однозначно вписать ее в рамки исключительно китайской национальной литературы.

В данной статье рассматривается культурно-историческая специфика специального административного района Макао, а также объясняется сложность, которая возникает при попытках определить современную литературу Макао как самостоятельную и самодостаточную.

С начала XIX века большую часть населения Макао составляли тайцы. Специальный административный район Макао был образован 21 декабря 1999 года после ликвидации Португальского Макао (1557–1999 гг.) [2]. В этом смысле Макао мало чем отличался от Тайваня и Гонконга, однако сложно сказать, что колониальный и постколониальный период подтолкнули жителей Макао к осознанию дистанции с ханьцами, как это было с жителями Тайваня и Гонконга. Во многом это можно объяснить разными путями колониальной политики: в случае с Гонконгом британцы не стремились к излишне жесткому подавлению зарождения национальной культуры, что привело к постепенно возникающей дистанции с Китаем, который в гонконгском сознании стал «новым колонизатором». В случае с Тайванем колониальный японский период также поспособствовал зарождению национальных вопросов, а политика Гоминьдана была направлена на формирование новой тайваньской идентичности, что помогло усилить отдаление от коммунистического Китая. Столкновение и взаимодействие с европейской культурой открыло для двух специальных административных районов Китая и Тайваня совершенно различные пути развития национальной идентичности, и таким образом именно взаимодействие с западной и восточной культурой породило новое *транскультурное* сознание. В эпоху глобализации подобные процессы представляются неизбежными, однако удаленность Китая, а также различные периоды изоляции (во времена династии Цин в середине XVIII века, а также в период Культурной революции в 1966–1976 гг.) от западных стран во многом позволяла сохранять китайскую культуру обособленной от значительного влияния западноевропейской и американской. И тем уникальнее представляются специальные административные районы Китая, которые можно рассматривать в качестве своеобразного экономического, социального и культурного опыта, благодаря которому демонстрируется, какое сознание способна воссоздать транскультурная среда между Западом и Востоком.

В 1513 году португальцы впервые прибыли к берегу Макао, а в 1553 основали свою торговую факторию [2]. Большую роль в налаживании связей с местным населением сыграли миссионеры, которые активно проповедовали христианство на китайском языке. Именно португальцы превратили Макао из небольшого поселения в густонаселенный район с португальской архитектурой и местными культурными особенностями, которые во многом можно представляют собой уникальную городскую культуру.

Если в случае с Гонконгом, говоря о городской культуре, мы также учитываем «космополитическую» позицию гонконгцев, то в случае Макао национальный вопрос так и не получил широкого распространения. Во многом это также связано и с тем, что ценность Макао сводилась исключительно к экономическим вопросам, т.е. во-первых, данный район выступал своеобразным «перевалочным» пунктом для международной торговли в Юго-Восточной Азии, а, во-вторых, до передачи Китаю в 1999 г. в Макао производились большие объемы легкой промышленности, которая принадлежала в большинстве своем иностранным промышленникам. В 2005 году прекратили действовать квоты Всемирной торговой организации, из-за чего производить текстиль и одежду в Макао стало невыгодно, и это привело к оттоку бизнесменов. Выходом из кризиса стали «неолиберальные меры по реструктуризации казино», проведенные Эдмундом Хо, исполнительным директором (СЕ)ОАРМ при поддержке Пекина [1]. Макао оставался единственной территорией Китая, где азартные игры были легализованы, и в конечном итоге Макао стал восприниматься как мировой центр туризма и отдыха. Для Гонконга и Тайваня экономика послужила толчком к развитию культуры и национальных вопросов, в то время как для Макао подтверждением легитимности своеобразной «автономности» послужила только экономика, а национальные вопросы так и остались неактуализированными.

Фактически это был город для богатых, своеобразное поле для заключения теневых сделок и бизнеса, где «культ денег и погоня за развитием заменили необходимость вопросов самоидентификации» [1]. Культура Макао – это во многом культура власти и богатства, культура города, где духовные потребности не просто отходят на второй план, а и вовсе не имеют особого значения. Для Гонконга и Тайваня все еще остаются актуальными и болезненными вопросы о связи исторического прошлого с Китаем, для Макао же данные вопросы так и не возникли.

В конце 1990-х гг. колониальное правление Португалии окончилось поджогами, убийствами, борьбой банд и отсутствием стабильности. Если в Гонконге и Тайване порядок поддерживался сначала колониальным правительством, а затем местным, в Макао с властью все было сложнее, ведь Пекин практически потерял контроль над происходящим. В 1997–1998 гг. в Макао произошел крах рынка жилья и рост безработицы, и многие молодые люди, чьи амбиции и ожидания совпали с нестабильным периодом,

были вынуждены смириться с невозможностью реализоваться в новых экономических условиях. Правительство Макао отказалось от пути постколониальной экономики, вместо чего сфокусировалось на игорном бизнесе, во многом основанном на незаконных методах его ведения. В этих условиях, где этническое большинство (китайцы) подавлялось и исключалось из экономической, социальной и политической интеграции, местная элита, представленная иностранцами, преступными группировками (триадами) и торговцами, пришла на смену колониальному правительству. Они установили свой порядок, где выражением постколониальности стали идеи «труд к капиталу», «богатство без производства, стоимость без усилий» [1]. Во многом эта позиция была противоположна коммунистическим идеям, однако политика пекинского правительства «одна страна, две системы» позволила сгладить конфликт.

В подобных условиях культура Макао была фактически фальсификацией и иллюзией, извращенным воплощением мечты о благополучии и богатстве, которое привлекало огромное количество рабочих и мигрантов, что впоследствии сформировало многонациональную прослойку. Общество, где объединяющей идеей стал не национализм (как часто это бывает) и даже не космополитизм, а культ денег и богатства. Традиционные культурные ценности Китая затерялись в бурном потоке постоянных экономических инноваций и реконструкций, что превратило абсолютно все – университеты, социальную структуру, повседневную жизнь и нематериальные ценности – в товар, который может быть куплен и продан. Население Макао – это фактически работники казино, которые делают деньги «из ничего», что и стало наследием постколониальной политики [1].

Если первый аспект культуры Макао можно описать как «культ заработка», то вторым следует отметить культурно-исторические связи с Португалией. В данном случае в качестве постколониального наследия Макао сохранил архитектуру, которая, впрочем, находится под угрозой исчезновения из-за массовой модернизации. Наличие португальской архитектуры придавало старому городу романтический вид, и посещавшие Макао китайские поэты и драматурги, как, например, Тан Сяньцзу (汤显祖, 1555–1516 гг.), посвящали Макао ряд стихотворений, где описывалась особая атмосфера города [3]. Что касается литературного наследия Макао, то оно выражается в следующих направлениях: традиционная китайская литература и лузофонная (маканская) литература. Под лузофонной литературой следует понимать литературу, которая отражает уникальную культуру, сочетающую как португальские, так и местные традиции. В данной статье термины «лузофонная» и «маканская» принимаются в качестве синонимичных.

Современные литературоведческие исследования в области национальных литератур не способны дать однозначного ответа, где есть границы этих литератур; особенно трудно это сделать в условиях активного

взаимодействия и слияния двух и более культур. Также следует отметить, что до португальской экспансии население Макао едва ли было образованным, т.е. интеллигентная прослойка данного района была представлена скорее иностранцами или образованными китайцами с материка. Это означает, что задача продолжить либо прервать и заложить новые литературные традиции лежала на плечах колонизаторов (как, кстати говоря, было в Гонконге и на Тайване). К лузофонным писателям можно отнести Деолинду да Консейсау (Deolinda da Conceição), которая уделяла пристальное внимание судьбе китайцев, Энрике де Сенна Фернандеша (Henrique de Senna Fernandes), который активно исследовал вопросы расовой и культурной интеграции. Многие португальские поэты, как, например, Жозе дос Сантос Феррейра (José dos Santos Ferreira), выражали свою любовь к Макао, используя маканский язык – смесь кантонского и португальского языков. Можно также назвать поэтессу и исследовательницу Сянь Юйцин (洗玉清, 1895–1965 гг.), родившуюся в Макао, которая, тем не менее, концентрировалась на изучении культуры провинции Гуандун [3]. Свой вклад в развитие маканской литературы внес и Педро Ноласко да Силва (Pedro Nolasco da Silva), переводчик и писатель. Можно перечислить еще несколько имен, однако и без того становится очевидным, что литература Макао представляет собой неоднозначное явление, где произведения могут быть созданы на китайском, на португальском и на маканском языке, и в равной степени могут считаться как китайскими, так и португальскими. Но, в отличие от гонконгской или тайваньской литературы, здесь едва ли затрагиваются национальные вопросы. Вопрос о национальной самоидентификации является одним из важнейших в любой национальной литературе, претендующей на самостоятельность, и часто становится центральным в постколониальных культурах. Если определить границы тайваньской и гонконгской литературы более-менее возможно, то терминологическое определение литературы Макао до настоящего времени остается размытым.

В 1988 году был проведен «Первый симпозиум по культуре Макао», где впервые прозвучали идеи о том, что «исходя из особого исторического фона и процесса развития Макао, произведения писателей Макао должны иметь свои особенности, и следует поддерживать литературу Макао» [3]. Однако следует отметить, что все это предполагалось именно в контексте китайской литературы, т. е. ни о какой самостоятельности и самодостаточности литературы Макао не может быть и речи. Это логично, поскольку у литературы Макао не было возможности найти собственный путь развития, чтобы говорить о какой-либо реально существующей дистанции между ней и китайской материковой. У Макао попросту не возникло реальной необходимости выстроить границы, отделившие ее от материковых процессов. Таковым «толчком» к развитию литературы, особенно в контексте постколониальности, может служить национальный вопрос. Но он так и не возник, поэтому литература Макао осталась «китайской литературой

с характерными местными чертами» [3]. Если при исследовании тайваньской и гонконгской литературы присутствуют колебания в определении ее принадлежности, то местные поэты Макао заявляют: «Макао всегда будет территорией Китая, а литература Макао всегда будет частью китайской литературы» [3]. Многие китайские исследователи придерживаются мнения, что данную литературу следует отнести к линнаньской (嶺南), т.е. принадлежащей провинциям Гуандун и Гуанси [3]. Однако данное утверждение может включать в себя в основном маканскую или традиционную китайскую литературу (написанную на китайском языке), ведь произведения, созданные в Макао этническими португальцами на португальском языке, не могут быть однозначно включены в контекст китайской литературы.

Таким образом, очевидно, что литература Макао представляет собой смешанное явление, а ее изучение осложняется неоднозначной позицией даже в вопросе, существует ли литература Макао вообще как отдельное явление (и что туда включить), а, главное, является ли она самодостаточной, чтобы изучаться обособленно от китайской или португальской литератур. Культурное наследие литературы Макао – это доколониальная и колониальная эпоха, однако, что касается постколониального периода, то список авторов крайне ограничен и во многом представляет собой местных поэтов, специализирующихся на интернациональной поэзии, либо местных писателей, чья литературная деятельность характеризуется как «литературный отброс» [3]. Проще говоря, трудно найти хотя бы одно имя писателя (особенно, известного вне Макао), который относился бы к современности, и мог бы выразить нынешний дух литературы Макао. Во многом прослеживается связь с культурным кризисом. Как упоминалось ранее, основой культуры Макао стали капитализм и материальные блага, но только на такой почве литература не способна развиться в достаточной степени, чтобы иметь ценность для изучения. Объединяющая идея, которая могла бы послужить полем и толчком для формирования прочного фундамента литературы, на данный момент отсутствует, из-за чего литературу Макао становится практически невозможно изучать как самостоятельное и самодостаточное явление; и в постколониальном проявлении справедливо рассматривать ее скорее с позиции «китайская литература с местными особенностями», поскольку своей самостоятельной литературной традиции Макао до настоящего времени так и не сформировал.

Литература

1. Post-Colonial Macau: hope and despair in a World Centre of Tourism and Leisure [Electronic resource]: OpenEdition est un portail de ressources électroniques en sciences humaines et sociales. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/viatourism/4469>. – Date of access: 04.04.2024.
2. 澳门史研究：前进和困难 // 张海鹏 / [Electronic resource]. – Mode of access: <http://historychina.net/qsyj/ztyj/sxs/2003-12-25/27233.shtml>. – Date of access: 04.04.2024.
3. 澳門世紀末的文學幻想 // 黃曉峰 / [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.icm.gov.mo/rc/viewer/10023/380>. – Date of access: 04.04.2024.

A.V. Khotuleva
Belarusian State University
e-mail: lina.khotuleva.98@mail.ru

**The problem of defining modern Macau literature
in the context of Chinese literature**

Key words: non-mainland Chinese literature, Lusophone literature, Macanese literature, Lingnan literature, postcolonialism.

The article examines the cultural and historical peculiarities of the Macau Special Administrative Region, and also discusses the difficulties that arises when trying to define modern Macau literature as independent and self-sufficient.

Цзин Цзин
Гуйчжоуский педагогический университет
e-mail: 570173585@qq.com

УДК 82:811.161.1'243:37.015

**ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК СРЕДСТВА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В ОБУЧЕНИИ РКИ**

Ключевые слова: идеологическое воспитание, литературные произведения, студенты, занятия русской литературы.

Идеологическое воспитание является очень важной частью современного аудиторного обучения, а также неотъемлемой частью обучения РКИ. Особенности занятий с литературными материалами предоставляют большие возможности для идеологического воспитания. В данной статье рассматриваются особенности литературных материалов разных исторических периодов, анализируется возможность реализации идеологического воспитания с помощью литературных произведений и обсуждается, как лучше интегрировать идеологическое воспитание на занятиях русской литературы.

Под идеологическим воспитанием понимается целенаправленный, научно обоснованный, социально-педагогический процесс создания оптимальных условий для освоения основополагающих национальных ценностей, идей, убеждений, формирования национального самосознания и становления активной гражданской позиции учащегося [1, с. 132-133]. В связи с этим можно сказать, что главные цели идеологического воспитания – формирование социально зрелой личности, субъекта жизнедеятельности, имеющего качества патриота, гражданина, семьянина, труженика, способного к реализации базовых компетенций – социально-